

Нила Акимовна Накутная (Семенова)

...До войны мы жили одной большой семьей: две бабушки, мама, я, жена моего дяди с двумя детьми, и ещё три маминых брата... Старший воевал добровольцем в Испании. Несколько раз раненый и контуженый, он умер от ран в Латвии в городе Елгава, где и был похоронен в братской могиле, – знать бы, какая судьба постигла ее сейчас? После войны он был награждён посмертно. Его жена тоже жила с нами, и немцы всё время издевались над ней, зная, что она жена коммуниста и офицера. Они вообще обращались с местными жителями очень жестоко, могли среди зимы выгнать на улицу без одежды... или просто убить.

Мы втроём ютились возле бабушек, – наших матерей угоняли на работу: летом в поле, а зимой снег убирать на железной дороге, по которой поезда везли из Германии танки и оружие, а в Германию шли составы с нашими девушками и парнями, их везли «в рабство».

Дом наш был одним из самых больших в селе, и немцев в нем жило много. Они заняли самую большую комнату и кухню с русской печкой, в которой повар готовил еду. В маленьком коридоре коптил колбасы, а в печке выпекал безумно вкусно пахнувшие булки. Любили мясо: пригоняли во двор отобранных бычков и тёлочек, убивали, жарили, ели до отвала... Кур наших порезали, поросят тоже, одну корову для себя оставили – молоко они тоже любили... Немногие из них были тихими... Одного, Ганса, боялись все: он мог разрядить пистолет в любого, кто ему не нравился.

Утром ни в чём ни повинных сельчан – под его «настроение» – выгоняли на улицу, били нагайками... Но так издевались, как могли, и не только немцы. В деревне нашлись предатели, которые служили фашистам, доносили на своих же земляков... По соседству с нами жили с одной стороны полицай, с другой – председатель немецкого колхоза, – за что после войны отсидел «за свои заслуги» десять лет в тюрьме.

Во время войны мы как-то быстро выросли... Родители заставляли нас выучить свою фамилию и адрес – потому что никто не знал, куда нас завтра забросит судьба, и даже – что с нами может случиться буквально через минуту. ...Мне всё время кажется, что я помню войну со дня своего рождения...

Кашеварил у немцев парень лет восемнадцати. Молоденький парнишка с жалостью смотрел на нас, голодных детей. Иногда мог нам кинуть одну булочку, только если поблизости не было Ганса, – тот мог застрелить не только нас, но и его ... Мы эту булку хватили и бежали на улицу в кусты, где делили – поровну. Вкус этой булки был ни с чем несравним... А есть хотелось еще больше... На фотографии отец Аким Митрофанович Семенов.

Как-то раз повар кинул нам банку сгущенного молока. Мы не знали, что с ней сделать, как её открыть. Попросили дядю, он помазал ею куски хлеба. И при этом искал, куда бы нас понадежнее спрятать, подальше от Ганса, чтобы мы могли спокойно поесть. Радости не было предела...

Хорошо помню Новый год с 1943 года на 1944-й. Фашисты уже чувствовали, что они не победители, бесились, убивали людей на улице. Нас от них прятали. Вечером в доме началось застолье, немцев собралось человек десять. Повар устал для них готовить. Они пили, ругались... загнали в кухню мою тётю с двумя детьми. Она села на маленькую табуретку, на коленях дети, обняла их, прижала к себе... а Ганс схватил саблю и стал

размахивать ею над головами малышей. На лавке в кухне стояло ведро с водой. Ганс расстрелял его из автомата, вода залила землю. У нас в то время ни у кого не было деревянных полов, только земляные... Возле печки в луже на редкой соломе лежал пленный солдат Алёша из власовской (Власова) армии, которая сдалась в плен немцам. Немцы напились, пели, танцевали, а Ганс без конца выписывал кренделя саблей.

Мама и бабушка спрятали меня между собой и накрылись, чем могли, никто не спал. Бабка и два дяди укрылись на чердаке в сене, кто-то забился под кровать. И вдруг дядя Лёша заторопил маму: «Ольга, уходите, сейчас будет беда!». Мама посреди ночи выбежала на улицу, постучалась к кому-то. Открыли, потеснились на печке... А Ганс уже орал на бабушку: «Млада где???» и стрелял в потолок, и мы потом удивлялись, как тогда не сгорел дом... Меня закрыли в неотапливаемой кладовке, в которой обычно хранили муку, зерно, огурцы и капусту – запасы, которые достались оккупантам. В ту ночь на улице было больше 20 градусов мороза. Я так в этой кладовке замерзла так, что родные, когда открыли дверь, подумали, что я умерла... Но ничего, бабушка меня выходила. Утром 1 января 1944 года дом выглядел как после страшного землетрясения. Ужас той ночи не покидал нас всех и после войны: если родня собиралась, снова вспоминали новогоднюю ночь 1944 года...

...14 апреля 1944 года ночью к нам в поселение пришли три советских солдата-разведчика. Постучались в дом моей двоюродной тётки, и её мать, не дождавшись утра, так не терпелось поделиться доброй весточкой, прокралась к нам, разбудила: «Радуйтесь! Наши войска рядом!». Разведчики ушли, прихватив с собой «языка». А вскоре начались бои, и все мы не знали, что делать, куда бежать: содной стороны наши, а по другую - немцы. Удалось уйти в соседнюю деревню к родным, где дом уже был полон народу. Не успев войти, слышали шум приближающегося танка... Увидели в открытом люке немца... Мой дядя сказал: «Все. Конец...». Мама погладила меня по голове, все замерли. Танк постоял и попятился назад. А к вечеру в наше село вошли советские войска, и среди них были те три разведчика. Те самые...

Уходя, немцы в соседней деревне Лозова согнали больше тридцати наших мужчин, всех расстреляли, а еще две деревни, Рипна и Соломна, сгорели тогда дотла.

... И еще одну историю я услышала и запомнила навсегда от дяди, Василия Петровича Бойко, вернувшегося с войны живым. Его ранило в Чехословакии 23 февраля 1945 года. Сутки пролежал на 25-градусном морозе. Утром после боя стали собирать погибших, моего дядю взяли за руки и за ноги, чтоб положить на носилки, а он кашлянул. И такое бывает... Ему было 19 лет. После войны, когда все вместе собирались, не было других разговоров, только эти тяжелые воспоминания... Да и сейчас – нет-нет, вспыхнет в душе, как молния. Так и живу – с обожженной войной памятью.